

Часть 1

ЛУЧШИЕ ГОДЫ ВАШЕЙ ЖИЗНИ

День рождения Пушкина

Лева был единственный в семье, кто любил порядок. Каждый его день начинался бы со страдания, если бы он не умел сосуществовать с хаосом. Но он пока умел.

Утром он вставал раньше всех и шел в ванную. Умывальник матово отливал желтизной, в глубине унитаза мерцало черное. Томилось в ванне несколько дней тому как замоченное белье. Оно пахло кислым. Иногда со дна – бурлум! – поднимался пузырь газа, и тогда белье вяло шевелилось, как старая медуза.

Лева умывался и шел на кухню. Расчищал себе место на столе, между чашкой с вьевшимся во внутренность чайным ободком и сковородой, пошедшей нежной дымчатой плесенью.

Мама Татьяна спала в дальней комнате под тихо работающий телевизор. Она не любила тишину. Если она не занималась сама – мама была концертмейстер в Гнесинской школе, – то работало радио или телевизор. Или она напевала что-нибудь.

Наталия Репина

Иногда Лева представлял: вдруг так вышло, что мама и баба Клава исчезли. Допустим, как-то погибли. И как он приводит квартиру в порядок, всё моет и убирает. Но когда в мысленной уборке он доходил до ванной, то его неизменно удивляло, что в стаканчике останется только одна зубная щетка. Не только удивляло, но и пугало — и он спешил думать о чем-нибудь другом.

На кухне Лева завтракал бутербродом с сыром, а уже какао ему варила баба Клава, которая врывалась на кухню, неся с собой волны того же кислого запаха, что и в ванной. Молоко часто портилось при кипячении и вызывало бабы-Клавин гнев. Но он был не столько страшен, сколько громок и, что важно, на Леву не распространялся.

Лева знал, что его все любят: мама и баба Клава, соседи, одноклассники. На даче его любил садовник Василь Василич и все из ближних домов — Гальперины, Екатерина Анатольевна с сестрой и старшие Сахрановы. Его любили друзья во дворе (Илюша, Сережа и Люда) и на даче (младшие Сахрановы — Вова и Катя, — а также Верблюжонок Тишка, Алик-детектив и Колька Богданыч).

Он их тоже всех любил. И еще он любил порядок. Потому что порядок — это правильно, это как должно быть. А если правильно — значит, хорошо.

Этот простейший рецепт счастья он никогда не формулировал, но всегда знал. И ему казалось впол-

Жизнеописание Льва

не естественным, что он стремится к порядку. Ибо кто же не хочет, чтоб было счастье?

Когда Лева уже заканчивал завтрак, вставала мама. Она была чудесная – теплая, рыхлая и лицом немножко крот, когда без очков. Лева был похож на нее, тоже теплый и рыхлый, но лицом немножко мышь. Мама обнимала Леву и говорила бессмысленные, но смешные вещи вроде «левацкий элемент уже бодрствует», или «полевые работы начались», или «да здравствует басилевс!», или еще что-то с его именем внутри, и Лева не уставал удивляться, сколько всего она могла изобрести.

После завтрака он, если не надо было в школу, садился за рояль. Он любил заниматься и любил рояль, старый кабинетный «Шредер» с желтыми косячными клавишами и тусклой крышкой. Рояль был завален нотами. Они копились и время от времени лавиной сходили на пол; их делили на пачки-холмы и возвращали на крышку, где они вытягивались в новые горы, ждущие возможности обрушиться вниз.

Лева был не без способностей – так говорила мама. Во втором классе он играл сонаты Моцарта и ноктюрны Шопена. Мама мечтала, чтобы он поступил в ЦМШ или к ней в Гнесинку, но не получилось, не взяли. Ничего, он просто любил заниматься, особенно когда из разученного получалась музыка – это тоже было правильно и хорошо.

Наталия Репина

Этим утром, 6 июня 1976 года, в день рождения Пушкина, он неожиданно встал позже всех. Проспал и не разбудили. Дело в том, что они собирались ехать на дачу. Разговоры шли уже с середины мая, но сборы случились в последнюю ночь. Мама не спала и собирала чемоданы, баба Клава не спала и критиковала маму, Лева не спал и представлял, как они приедут на дачу и как он обежит участок — вдруг там уже есть грибы, — а потом пойдет к Сахрановым, Вове и Кате, узнать, что у них новенького за год случилось, а потом они все вместе пойдут к Верблюжонку Тишке, и, может быть, тот даст покататься на своем велике — тут он заснул, а когда проснулся, то и выяснилось, что такси уже пришло, а его забыли разбудить — непорядок, — и он кинулся помогать носить вещи вниз под крики «Лева, умоляю, возьми рогалик и сядь в машину!». Водитель такси пристраивал узлы и чемоданы в отверстый зев вытянутого грузового такси, раздраженно сплевывая при каждом новом «Таз! Таз-то забыли, ну мама же!». Неумытый Лева нечищеными зубами прогрызал ломкую корочку рогалика и погружался в благоухающий белый мякиш.

Наконец баба Клава втиснулась рядом с ним, сверху ей на колени втиснули свернутый тюк — подушка в одеяле, мама помчалась наверх запирать квартиру. Водитель сел и завел машину. В окошке справа виднелся Петр Авенирович, маленький, толстенький, в костюме и шляпе. Он то снимал ее, нерв-

Жизнеописание Льва

но обмахивался — несмотря на холодное утро, — то надевал обратно.

— Петр Авенирович переволновался, — сказала баба Клава скорее самой себе. — Такси заказали, а его нет и нет. На дорогу бегал встречать.

Лева с симпатией посмотрел на Петра Авенировича, который проявил такое участие к их судьбе.

— У меня вообще смена кончилась, выручаю чужой заказ, — водитель воспринял бабы-Клавины слова на свой счет.

— Я не в укор, упаси бог, — сказала баба Клава. — Просто переволновался Петр Авенирович.

Мама впрыгнула на переднее сиденье, захлопнула дверь:

— Всё, поехали!

Петр Авенирович замахал им шляпой, пошел вслед за машиной не спеша. Лева вывернулся как мог, провожая его взглядом. Петр Авенирович отстал, остановился, смотрел вслед.

Дождь. Мокрый асфальт на Калининском проспекте лоснится под колесами, здание СЭВ раскинуло страницы, Триумфальная арка стоит, пустуя входом. Лева мысленно говорит ей: «До встречи!» Это еще одна его потребность — разговоры с бессловесными. Никто не может поручиться, что дверь подъезда не чувствует боли, когда ею хлопают. Или что кресло не обижается, когда в нем долго не сидят. Лева старается понять

Наталья Репина

их чувства. Это трудно. Может, наоборот, кресло любит свободу и обижается, если в нем сидят? Иногда ему кажется, что он понял. Но чаще он не уверен. Во всяком случае, он всегда извиняется, когда ударяется об угол стола или случайно задевает стул. Сейчас ему кажется, что арке было приятно его прощание и она, как Петр Авенирович, провожает его. Он опять выворачивается на сиденье и сколько возможно долго и дружески смотрит на арку.

Москва кончается, идет шоссе с поникшими под дождем одуванчиками, наконец остановка у переезда, который тренькает сигнальными звонками и опускает полосатую штангу шлагбаума прямо перед ними.

Лева вытягивает шею и между мамой и водителем наблюдает скорый поезд. Что за поезд? Если не смотреть в каждый пролетающий вагон, а поймать взглядом табличку на одном из них и как можно дольше провожать ее глазами, то можно прочесть, что это Харьков – Москва; из каждого окошка смотрят на их машину слегка загорелые люди, которые возвращаются из раннего отпуска, или деловитые харьковчане, которые едут куда-то через Москву. Или в саму Москву.

Ни они, ни стрелочница, которая стоит у переезда и показывает поезду замотанный оранжевый флажок, не знают, что сегодняшним ранним утром, часов около пяти, когда полупроснувшаяся кассирша вяло возилась за еще закрытым окош-

Жизнеописание Льва

ком кассы и оно медовым светом светилось в темноте платформы, когда бесконечный товарный поезд проходил мимо станции и лениво изгибался на повороте, когда лохматый кабысдох, то ли серый, то ли поседевший, терпеливо переждал у шлагбаума постукивание товарных вагонов, чтобы перейти на ту сторону, хотя и не вполне понимал, зачем ему на ту сторону, — так вот, никто не знает, что в это самое время с этого самого проходящего товарного спрыгнул худой маленький человек, юрко, как ящерица, ввинтился в придорожные кусты и, похоже, в них и растворился, потому что дальнейший его путь никак не прослеживается.

Асфальт сменяется бетонными плитами. «Бетонка», — мысленно радуется Лева. Бетонка — это уже практически дача. Дождя сейчас нет. Такси, колыхаясь, сворачивает на неровную дорогу, ныряет на колдобинах, расплескивает лужи. Где-то видны попытки заложить самые глубокие ямы камнями.

— Ну, Льву будет чем заняться этим летом, — тоже колыхаясь и держась за спинку переднего сиденья, говорит баба Клава. Мама смеется.

Лева как раз об этом думает. Каждый год он чинит дорогу. Большинство камней в колеях — его, и ему приятно, что они на месте, хотя он и не уверен, что камням приятно, как их давят ноги и колеса. Но он для себя решил, что камни выносливы и не вос-

Наталия Репина

приимчивы к боли. В общем, этим летом для него есть работа.

Такси подкатывает к калитке, у которой их уже караулит Василь Василич. Он живет в совхозе «Московский», но на лето перебирается к ним, чтобы заниматься всякими практическими делами. Лева он очень нравится, потому что тоже любит порядок и всегда аккуратно одет в клетчатую рубашку с подвернутыми рукавами – как ковбой! Правда, Василь Василич уже порядком стар и не может наводить порядок так, как ему хотелось бы. Эта общая проблема сближает их слевой.

Они таскают вещи на террасу. Водитель уезжает довольный, потому что мама дала ему щедрые чаевые (тайком от бабы Клавы).

Баба Клава с тюком подушка-в-одеяле налетает на Леву и изгоняет его в сад.

У них большой сад – больше, чем у остальных, огромный. У остальных девять соток, а у них восемнадцать. Это потому, что Левин дед, бабы-Клавин муж, сидел в первых скрипках оркестра Большого театра, а одно время даже был концертмейстером оркестра, правда недолго. Еще Лева слышал, что их квартира в доме на улице Неждановой – тоже большая редкость и предмет зависти. Но его это мало волнует, тем более что они сейчас живут только на мамины концертмейстерские и бабы-Клавину пенсию, и он долго носит

Жизнеописание Льва

всю одежду — до тех пор, пока она не станет совсем ему мала.

В общем, Лева идет в восемнадцатисоточный сад. Там растет много старых яблонь, от которых давно нет яблок. Там растет черноплодка, но это ближе к осени. Там густая трава. И, главное, — там грибы! Но сейчас он не будет их искать, это всё потом.

Он задирает голову. Небо еле видно через плотные яблоневые листья. Бело-розовые соцветия тоже почти теряются среди них. Но когда дует ветер, листья раздвигаются, роняя капли, и пропускают солнце, которое бьет Лева прямо в глаза. Он закрывает глаза и слушает, как нарастает рев поднимающегося в воздух самолета, — аэродром тут неподалеку. Сейчас все эти громкие взлеты еще заметны, а через пару дней ухо привыкнет — как привыкнет к свисткам и погрохатыванию электрички в отдалении.

А вообще здесь тихо. И мама с бабой Клавой перекрикиваются, как будто далеко.

Он возвращается в дом. Там много комнат: если переходить из одной в другую, то можно сделать круг по дому. В большой комнате тоже есть рояль, попроще, советский. На террасе с прошлого года осталась посуда, клеенка на столе загрубела, и края у нее завернулись. Как хорошо на даче!

Лева опять выходит в сад, но в другую его часть. Там всегда сумерки и такие заросли, что никто, кроме него, не может продвинуться вперед дальше, чем на

Наталия Репина

метр. Василь Василич вечно собирается «со всем этим делом расправиться», но пока, к счастью, не может. Так вот, если пробраться через кусты, то окажешься у забора. За забором – Сахрановы, Вова и Катя. А под забором – под забором – самые лучшие грибы. Подберезовики, белые. Сыроежки, конечно, тоже. Он не выдерживает и лезет в кусты, мгновенно промокает, ветки сильно царапают его, ему приходится почти опуститься на четвереньки и так пробираться дальше. Но он все-таки достигает гнилого деревянного забора с несколькими большими проломами. А достигнув забора, можно выпрямиться, отряхнуть руки и...

Тут он и слышит голоса. Тихие Вовин и Катин голоса.

– Ну пойдем, Вов! – канючит Катя. – Они нас увидят, ну Вов!

– Отстань, – говорит Вова. – Они сюда не ходят. Слышишь, вещи носят?

– А Левочка?

Лева вздрагивает от счастья – друзья помнят о нем. Ему все равно, что они говорят «Левочка», как будто передразнивая кого-то. Ничего.

– И Левочка с ними. Прямо он тебе ползет... О!.. Ух ты, какой!

Наверное, Вова нашел хороший гриб. Лева не выдерживает и делает шаг вперед.

Дело в том, что Вова и Катя собирают грибы на их участке. На участке самих Вовы и Кати грибы

Жизнеописание Льва

почему-то не растут. И сейчас Вова и Катя сидят у небольшого пролома, через который они, очевидно, и проникли на их участок.

Лева смотрит на Вову и Катю. Внутренне он улыбается, но ему немного страшно – вдруг в этом году они не захотят с ним дружить. Поэтому на его лице улыбки нет.

Катя первая видит Леву. Не сводя с него глаз, она медленно поднимается с корточек. Отпускает подол сарафана, из которого на землю вываливаются два подберезовика и несколько розовых сыроег.

– Белый! – радостно говорит Вова, поднимает голову и тоже видит Леву.

Некоторое время они молчат. Потом Вова бросает гриб и быстро лезет в пролом. Катя лезет за ним.

Оказавшись на своем участке, они смелеют.

– Не поймаешь, не поймаешь! – дразнится Катя, хотя Лева и не собирался.

– Левочка! Иди к своей мамочке! Она даст тебе кашки! – и Вова корчит странную рожу, изображая не то Леву, не то его маму.

Странно, он совсем не ест кашу, да мама и не умеет ее варить. Наверное, имеется в виду, что баба Клава сварит, а мама уже будет его кормить.

– Дети, что там еще такое?! – кричит с крыльца их мама, прекрасная рыжая Светлана. Катя, кстати, тоже рыжая. А Вова в папу, белый.